

Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли.

(Рефератъ, читанный въ общемъ собраніи Общества любителей изученія Кубанской области
11 февраля 1898 года).

Въ 1783 году послѣдній крымскій ханъ Шагинъ-Гирей отдался подъ протекцію Россіи. 8 апрѣля того же года послѣдовалъ Высочайшій манифестъ о присоединеніи Крыма и Кубанской земли къ русскому Государству¹⁾. Для приведенія кочевавшихъ въ Кубанскомъ краѣ ногайскихъ ордъ на вѣрность подданства императрицѣ Екатеринѣ II, былъ командированъ генералъ Суворовъ. Прибывъ на Кубань, Суворовъ, собравъ нагайцевъ на р. Ей, объявилъ имъ Высочайшій манифестъ о присоединеніи Кубанской земли къ Россіи, отобралъ отъ нихъ требуемую присягу, задалъ среди степей великолѣпный пиръ новымъ подданнымъ русской государыни; но велѣдъ за тѣмъ дикія нагайскія орды взбунтовались противъ русской власти, и разбитыя Суворовымъ удалились за Кубань²⁾. Съ тѣхъ поръ Кубанская земля опустѣла.

Черезъ десять лѣтъ императрица Екатерина Александровна Высочайшею грамотой 30 іюня 1792 года пожаловала Кубанскую землю, съ Таманскимъ островомъ, войску черноморскихъ казаковъ, за доблестную ихъ службу въ минувшую съ турками войну³⁾.

Черноморское войско было сформировано княземъ Потемкинымъ Таврическимъ въ 1787 году, изъ казачковъ запорожскихъ⁴⁾, называвшихся такъ по прежнему мѣсту жительства ихъ у пороговъ Днѣпра; когда же они во время военныхъ дѣйствій съ турками въ сказанную войну находились у Чернаго моря, то князь Потемкинъ, имѣвшій объ нихъ особенное попеченіе и главное надъ ними начальство, присвоилъ имъ названіе Черноморцевъ; потомки ихъ съ 1860 года, по Высочайшему повеленію, стали называться Кубанскими казаками⁵⁾.

Въ 1792 году Черноморцы двинулись съ Днѣстра на Кубань для водворенія на вновь пожалованной имъ Кубанской землѣ, съ

¹⁾ Полн. собр. закон. т. XXI, № 15708. Лашковъ. Шагинъ-Гирей, послѣдній Крымскій ханъ. Кіевъ 1886, стр. 84.

²⁾ Сборникъ Импер. рус. истор. общества, т. 27 Спб. 1880, стр. 240—242, 271—272. Петрушевскій. Генералъ-искусникъ Суворовъ т. 1, Спб. 1884, стр. 225, 226—229.

³⁾ Полн. собр. закон. т. XXIII, № 17056.

⁴⁾ Тамъ же № 17036.

⁵⁾ Тамъ же № XXXV, № 36327, п. 1.

Таманскимъ островомъ. Это переселеніе совершилось въ теченіе двухъ лѣтъ. Первая партія Черноморскихъ пѣшихъ казаковъ, подъ командой полковника Саввы Бѣлаго, прибыла на войсковой гребной флотиліи къ Таманскому острову въ августѣ и, высадившись, заняла границу въ нижней части Кубани¹⁾; со второю партией, состоявшею изъ конныхъ казаковъ и легкаго обоза, шелъ самъ кошевой атаманъ Черноморскаго войска, бригадиръ Захарій Чепѣга чрезъ Бугъ, Днѣпръ и Донъ. Прибывъ на Кубанскую землю, Чепѣга, по случаю глубокой осени, зазимовалъ на Ейской косѣ²⁾. Въ слѣдующемъ 1793 году пришли и остальные Черноморцы съ семействами, имуществомъ и разнымъ скотомъ, сухопутными отрядами на Кубанскую землю; съ ними прибылъ на Тамань и войсковой судья Антонъ Головатый³⁾.

Въ этомъ же году, весною, Кошевой атаманъ Чепѣга, придвинувшись съ своими казаками къ Кубани, занялъ и остальную Кубанскую границу, отъ Воронежскаго редута до постовъ, занятыхъ Саввой Бѣлымъ, противъ черкесскихъ племенъ, находившихся въ Закубанскомъ краѣ, подъ властью турецкаго султана⁴⁾.

Разставивъ по Кубани кордонные посты казаковъ, кошевой атаманъ Чепѣга съ остальными черноморцами расположился войсковымъ кошомъ въ Карасунскомъ кутѣ, въ которомъ жили ауломъ черкесы Закубанскаго владѣльца Батыръ-Гирея. Мѣстность эта была покрыта дубовымъ лѣсомъ, съ востока окймлена рѣкою Карасуномъ, а съ Юга и Запада охвачена дугообразно Кубанью; далѣе къ сѣверу подходило озеро, называвшееся Орѣховатымъ. Такимъ образомъ, Карасунскій кутъ представлялъ собою какъ бы полуостровъ, господствовавшій по высотѣ надъ Закубаньемъ и имѣвшій весьма выгодное положеніе для защиты отъ непріятелей, въ случаѣ нападенія Закубанскихъ горцевъ. Въ видахъ этихъ кошевой атаманъ, послѣ совѣщанія со старшинами, рѣшилъ основать въ Карасунскомъ кутѣ войсковой городъ съ крѣпостью, устройствомъ котораго Захарій Алексѣевичъ Чепѣга не сталъ медлить. Дѣятельно принялись казаки заготовлять лѣсъ и другіе матеріалы для возведенія войсковыхъ зданій на крѣпостной площади; тамъ же поставлена привезенная изъ-за Буга войсковая походная свято-троицкая церковь изъ парусины; на нее на столбахъ сдѣлали чехоль, прочно укрепили его камышемъ и установили готовый иконостасъ, находившійся прежде въ той же церкви⁵⁾.

1) Кубанскій Войсковой Архивъ, общ. атам. опись. Дѣло 1792, № 190.

2) Тамъ же. Дѣло 1792 г., № 179.

3) Тамъ же. Дѣло 1793 г., № 211, 225.

4) Тамъ же. Дѣло 1793 г., № 210, 232.

5) Тамъ же. Дѣло 1794 г., № 283, 285. По описи Войск. Правит. Дѣло 1794 г. № 12.

Въ слѣдующемъ: 1794 году были доставлены и колоколы, отлитые въ Херсонѣ на средства подполковника Антона Андреевича Головатого и бригадира Захарія Алексеевича Чепѣги. Этихъ благовѣстителей, доставленныхъ дубомъ по Кубани къ войсковому городу, казаки встрѣтили на берегу съ большимъ торжествомъ, ваяли на деревянныхъ подкладки и, взявшись за канаты, на рукахъ притянули въ крѣпость къ церкви¹⁾.

Въ то время какъ въ крѣпости строились войсковыя зданія для конного правленія, для куренныхъ атамановъ съ бездомнымъ «товариствомъ», для склада войскового имущества и проч., за крѣпостной площадью рубился лѣсъ и строились помѣщенія войсковыхъ жителей. Ближе къ крѣпости и къ Карысуу занимали мѣста: кошевой атаманъ, войсковой судья, войсковой писарь и прочіе старшины, а далѣе строили хаты и землянки казаки. Въ лѣсу прочищалась поляна и на ней сооружались жилища безъ плана и порядка.

Такое расположеніе построекъ въ войсковомъ городѣ, названномъ, въ честь императрицы, Ематераподаромъ, признано было неудобнымъ. Поэтому, кошевой атаманъ 13 ноября 1793 года назначилъ полкового старшину Волкорѣва городничимъ, которому, вручивъ составленный въ кошѣ планъ города, передалъ слѣдующее назначеніе: 1) раздѣлать градъ на кварталы и учредить свѣдущихъ квартальныхъ, смотрѣть за жителями, дабы они по данному плану производили строенія порядочно; 2) между жителями разбирать маловажные споры и рѣшать по справедливости; 3) смотрѣть за промышленниками, чтобы они справедливо и вѣрно торгъ производили; 4) наблюдая военную дисциплину, смотрѣть, чтобы всѣ жители града, мужески поля, имѣли оружіе и для соблюденія тишины и безопасности, ночью производить обходъ и всѣхъ подозрительныхъ людей забирать до утренней расправы; 5) смотрѣть, чтобы жители около града лѣса не рубили, а забирали бы только одинъ валежникъ на дрова, и чтобы въ лѣсѣ своего скота не пущали; 6) приводить жителей лѣвннвыхъ къ трудолюбію, шалуновъ къ благоуравію и непокоряющихся къ должному повиновенію.

Быстро развивалась общественная жизнь въ войсковомъ городѣ, и на другой годъ, по донесенію городничаго Волкорѣва, было уже на жительство собственными домами: штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ (низшихъ армейскіе чины) 37, старшинъ 18, ремесленникъ казаковъ „шевцевъ 27, кравцевъ 19, ткачей 5, плотниковъ 11, ковалей 7, гончарей 2, хлебниковъ 36, золотарь 1, иконописцевъ 2, рязниковъ 6, хлебопашцевъ 71, му-

1) Тамъ же, по общей атаманской опискѣ. Дѣло 1794-г., № 269.

ыкантивъ 2, разныхъ промышленниківъ 22.“ Всѣхъ же жителей въ Черноморіи въ 1794 году считалось мужскаго пола 12645 и женскаго 5526 душ¹⁾.

Для привлеченія въ городъ большаго числа людей изъ войсковыхъ переселенцевъ и изъ соседнихъ областей съ промышленной цѣлью и для обмѣна (внутренняго производства) всякаго рода издѣлій казаковъ: Кошевое Управленіе въ этомъ же году утвердило въ Екатеринодарѣ четыре ярмарки: первую—25 марта Благотѣщенскую, вторую—въ іюль—Троицкую, третью—6 августа—Преображенскую и четвертую—1 октября—Покровскую.

Во избѣжаніе въ будущемъ какихъ-либо недоразумѣній о постройкѣ войскаго города, Кошевой атаманъ представилъ Таврическому Губернатору, генералу Жегулину планъ этого города. Жегулинъ, утвердивъ планъ безъ измѣненія, прислалъ явля Симферополя землемѣра, прапорщика Гетманова, для размежеванія по тому плану мѣстъ подъ городскія строенія, но такъ какъ въ это время много уже было построено частныхъ домовъ, то куренные атаманы признали это размежеваніе не своевременнымъ. Городничій Волковъ донесилъ Кошевому атаману, что, — куренные атаманы въ нарядѣ для размежеванія г. Екатеринодара наикомъ дѣлають препятствія, запрещаая всякъ атаманъ своему казаку въ нарядѣ не ходить. Однако, Таврическому начальству въ сентябрѣ было донесено, что размежеваніе города проведено²⁾.

Вмѣстѣ съ устройствомъ войскаго города, при Кубани строились и казачьи слободы на Кубинской землѣ. Нѣкоторые старшины и князья, переселившіеся на войсковую землю, въ 1793 году съ семействами и имуществомъ, начали было устраивать свои жилища на р. Бю, но такъ какъ на войсковой казачьей радѣ, бывшей въ Екатеринодарѣ 1 января 1794 года, опредѣлено было заселять сначала пограничныя мѣста, то Кошевой атаманъ отдалъ приказаніе селившимся отъ Донецкой стороны черморцамъ, чтобы они домовъ тамъ не строили, а шли бы для поселенія по берегу Кубани; не принадлежащихъ же къ Черноморскому войску людей, переходившихъ на войсковую землю, велѣть полковнику Письменному удалить за р. Бю, и впредь стороннихъ поселенцевъ на войсковую территорию не впускать.

Распоряженіе это послѣдовало въ іюль мѣсяцѣ, а къ тому времени нѣкоторые черморцы успѣли уже обзавестись жилищами и хлѣбными посѣвами, а потому бросать все это и идти далѣе на Кубань было невыгодно и пріине нежелательно. Въ

1) Тамъ же. Дѣло 1793 г., № 239. 1794 г., № 283, по описи Войсков. правительств. Дѣло 1794 г., № 1.

2) Тамъ же, по Атаманской описи дѣло 1794 г., № 207, 250, 283.

виду этого, распоряженіе кошевого атамана замедлилось. Но Чепѣга не отменилъ своего приказанія, а только предоставилъ къ некоторую выгоду переселенцамъ тѣмъ, что 20 августа командировалъ старшину Ивана Шрама по всей рѣчной войсковой землѣ, отъ устьевъ ихъ и до вершинъ, для объявленія поселившимся тамъ старшинамъ и казакамъ: чтобы сами хозяева съ семействами непременно къ ямъ шли для жительства къ берегамъ р. Кубани; въ заведенныхъ же ими хуторахъ оставили своихъ работниковъ. „Кто же сему послушникомъ явится“, писалъ Чепѣга, „то не избѣгнетъ жестокаго штрафа“.

Послѣ такой угрозы никто не осмѣливался ослушаться суроваго кошевого атамана, и переселеніе обзаводившихся хозяйствомъ черноморцевъ отъ Еи и другихъ мѣстъ къ Кубани началось. А такъ какъ при Еѣ была открыта уже Ейская падаючка, то, чтобы не оставить ее совершенно безъ людей, Чепѣга предписалъ полковнику оной, Письменному, расселить по Еѣ и Куго-Еѣ небольшую партію черноморцевъ, стоявшихъ на Ейской косѣ лагеремъ, изъ колонны бундуковаго товарища Бурноса.

Прибывавшіе къ Кубани переселенцы смѣшанныхъ куреней становились таборами при нордонскихъ постахъ, для лучшаго обезпеченія на случай набѣга замубинскихъ горцевъ; при чемъ являлось самымъ жителямъ въ обязанность каждому взрослому мужчине имѣть ружье и пику и содержать кирзалы съ ночными обходами въ каждомъ таборѣ. Вскорѣ такихъ таборовъ набралось десять. Кошовой Укрѣпленіе называло ихъ селеніями съ наименованіемъ: Онуфрѣвка, Константиновка, Стояновка, Киргивовка, Большая Киргивовка, Захарьевка, Тимофеевка, Чернорѣсская и Антоновка; для лучшаго въ нихъ порядка, кошевой приказалъ жителямъ избрать въ каждомъ селеніи атаманя и писаря¹⁾.

Весной 1794 года кошевой атаманъ, следуя постановленію новою войсковой рады, постановившей протоколомъ „порядокъ общей пользы“, совалъ въ Екатеринодаръ сельскихъ атамановъ и предложилъ имъ вытянуть жребій, гдѣ какому куреню занимать подъ селеніе мѣсто для жительства на войсковой землѣ съ тѣмъ, чтобы число куреней и названія ихъ оставалось какъ было и въ Запорожьи. Такихъ куреней считалось 38, но названная рада опредѣлила добавить еще два въ честь Императрицы—Екатериновскій и, въ воспоминаніе взятія черноморцами у турокъ Березанской крѣпости,—Березанскій. Такимъ образомъ, по жребіямъ въ Черноморіи началось заселеніе сорока куреней, которые черноморцы называли слободами. Селенія располагались при рѣчкахъ и лиманахъ, безъ всякаго разграниченія земельныхъ долей

1) Тамъ же. Дѣло 1793 г., № 289, 286.

ствій, такъ какъ войсковая земля была въ общемъ владѣніи всѣхъ войсковыхъ жителей; точно также предоставлялось всѣмъ и каждому свободное рыболовство въ водахъ, принадлежащихъ Черноморскому войску, — за исключеніемъ одного только устья р. Протоки и прилегавшихъ къ нему береговъ Азовскаго моря, гдѣ былъ войсковой Ачуевскій рыболовный заводъ, подаренный черноморцамъ еще 8 февраля 1791 года свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ Таврическимъ.

При такомъ общинномъ пользованіи землей и ея угодьями старшинамъ и казакамъ дозволялось устраивать въ степяхъ при рѣчкахъ одиночные хутора, устраивать мельницы и заводы, разводить сѣды и рощи, и на всѣ эти имѣнія, для спокойнаго владѣнія, выдавались отъ войсковаго правленія, именовавшагося до 1 января 1794 года Кошевымъ Управленіемъ, открытые листы.

Когда всѣ сорокъ куреней заняли свои мѣста и жители, стоявшіе таборами, начали на тѣхъ мѣстахъ селиться, то, по войсковому постановленію, они избрали изъ своей среды по два атамана: одинъ сельскій находился „на командѣ“ въ самомъ куренномъ селеніи, а другой, куренной, долженъ былъ находиться въ г. Екатеринодарѣ. На этихъ послѣднихъ атамановъ, жившихъ съ бездомными казаками въ особыхъ куренныхъ помѣщеніяхъ, возлагалась обязанность, какъ было и въ Запорожьи, чинить судъ и расправу въ маловажныхъ спорахъ и ссорахъ между жителями своего куреня и производить наряды на службу князковъ.

Вся войсковая территория была раздѣлена на пять округовъ: Екатеринодарскій, Фанагорійскій, Бейсугскій, Бійскій и Григорьевскій. Въ каждый округъ былъ назначенъ, какъ было и въ запорожскихъ паланкахъ, полковникъ, писарь, есаулъ и хорунжій. На эти правленія было возложено, кромѣ полицейскихъ обязанностей, еще попеченіе и о внутреннемъ благоустройствѣ войсковыхъ жителей.

Сообразно дѣленію войсковой земли на округа, сказанная выше рада постановила имѣть въ каждомъ Окружномъ Правленіи свои печати, съ слѣдующими изображеніями на нихъ: въ первомъ, какъ состоящемъ на границѣ, „казакъ, водрузившій ратище въ землю и приложивъ къ нему, вмѣсто присошокъ, ружье, держа лѣвою рукою ратище и ружье, а другою прикладъ, врага стреляющій“; во второмъ—гдѣ стояла казачья флотилія, „по морю плавающая лодка со всѣмъ воинскимъ приборомъ“; третьемъ—въ районѣ рыболовныхъ мѣстъ „рыбы“; четвертомъ—отъ донской границы—„казакъ... съ ружьемъ на караулѣ стоящій“ и послѣднемъ, степномъ, „въ пикетѣ назанъ, сидящій на конѣ при всемъ воинскомъ приборѣ.“ Само войсковое правленіе, состоявшее изъ кошевого атамана, войскового судьи и войскового писаря имѣло войсковую печать, данную съ Высочайшаго соизволенія, Черно-

морскому войску еще въ 1788 году ниванемъ Потемкинымъ, съ изображеніемъ вооруженнаго казака, держащаго въ правой рукѣ ружье, а въ лѣвой знамя и съ надписью вокругъ: „Печать коша войска вѣрныхъ казаковъ Черноморскихъ.“¹⁾

Много было дѣла Войсковому Правительству при переселеніи черноморцевъ съ Днѣстра на Кубань и расселеніи ихъ на Высочайше пожалованной землѣ, но не меньше было работъ и при устройствѣ быта войсковыхъ жителей въ Черноморіи. Равнинная и безлѣсная отъ Ея до самой Кубани земля была уныла и безлюдна; одни только вѣтри, да дикія лошади (тарпаны) пѣлыми косяками разгуливали въ Кубанской пустынѣ. На одной только западной окраинѣ у береговъ Азовскаго моря, въ бывшей Ачуевской дачѣ князя Потемкина, бродили рыболовы, да и тѣхъ кошевой атаманъ, принявъ въ свое вѣдѣніе войсковую землю, удалилъ за предѣлы Черноморіи. Прикубанская сторона и Азовское побережье съ непроходимыми плавнями и болотами, міриадами комаровъ и мошекъ, были убійственными для народа, страдавшаго изнурительными костоломными лихорадками; степная мѣстность, если и была немного лучше по климату, то зато имѣла другіе задатки для развитія болѣзней между войсковыми жителями. Всѣ рѣчки Черноморіи, кромѣ Кубани, болотисты, заросли во многихъ мѣстахъ густыми камышами, кугой и прочей болотной травой съ изобиліемъ такъ называемаго черноморцами кушира и ряски, которыя, въ лѣтнее время, загнивая въ стоячей водѣ, издаютъ отвратительное зловоніе; все это отражалось неблагоприятно на здоровьи мѣстныхъ жителей и ихъ скота.

При такихъ условіяхъ, перешедшіе изъ-за Буга на Кубанскую землю черноморцы много болѣли, много умирало²⁾. Никакой медицинской помощи эти переселенцы не получали потому, что во всемъ Черноморскомъ войскѣ лѣкаря не было. Въ довершеніе несприятностей для религіозныхъ черноморцевъ у нихъ не было священниковъ въ селеніяхъ, которые могли бы хотя напутствовать умиравшихъ и хоронить по христіанскому обряду, — не говоря уже о другихъ духовныхъ нуждахъ православныхъ жителей. Кромѣ этого, для черноморцевъ были еще и другія невагоды при первоначальномъ заселеніи Кубанской земли. Дорогѣ

¹⁾ Короленко. Черноморцы Спб. 1874, стр. 61, 67, прилож. XXVII.

²⁾ Личный рассказъ мнѣ современника описывающаго событія столѣтняго старика Нижника, переданный въ 1872 году. См. мое сочин. Черноморцы, стр. 64. Статистическ. свѣдѣній о прибылѣ и убылѣ народонаселенія въ Черноморіи въ первые годы заселенія черноморцами Кубанской земли не велось, но въ донесеніяхъ кошевого атамана Цецага Таврическому губернатору Жигулану о благостояніи строевой части черноморскаго войска значится по вѣдомости съ 15 по 31 декабря 1793 года, на 4891 чел. здоровыхъ 136 чел. больныхъ и 5 умершихъ; да палыхъ казачьихъ лошадей, съ 16 января по 31 марта того же года показано 149 штуки. (Дѣло Кубанскаго Войскового архива общей атаманской описи 1793 г., № 214).

чрезъ обширныя степи, мостовъ чрезъ многія рѣчки и гатей чрезъ топкія балки не было и быть не могло потому, что до прибытія черноморцевъ Кубанскія земля не имѣла населенія; торговые рынки, гдѣ бы можно было пріобрѣсти необходимые предметы въ домашнемъ быту осѣдлаго народа, были далеко за предѣлами Черноморіи. При томъ былъ крайній недостатокъ въ рабочихъ рукахъ на Кубанской землѣ. Сспособные члены казачьей семьи требовались на пограничную службу, а въ домахъ у многихъ казаковъ оставались жены, дѣти да немощные старцы. Лишенія у всѣхъ и во всемъ, бѣдность въ хозяйствѣ, тяжелая кордонная жизнь и другія невгоды гнули въ дугу крѣпкихъ черноморцевъ, и не будь у нихъ столь дѣятельныхъ начальниковъ, какъ кошевой атаманъ Чепѣга и войсковой судья Головатый, они разбѣжались бы съ Кубанской земли.

При всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ жизни на Кубани, черноморцы видѣли впереди лучшую свою будущность. Кубанская земля изобиловала естественными богатствами: удобныхъ мѣстъ для хлѣбопашества и скотоводства было достаточно; излюбленные казачіе рыболовные промыслы и звѣриная ловля представлялись изобильными; соляныхъ озеръ было много; на Таманскомъ островѣ была еще нефть; оставшіеся отъ турокъ на томъ же островѣ фруктовые и виноградные сады, давали возможность разводить на Кубанской землѣ плодовые деревья и виноградники; береговая прикубанская полоса, во многихъ мѣстахъ была покрыта лѣсомъ и могла удовлетворять, на первый хотя разъ, жителей строительнымъ матеріаломъ, а песокъ, глина, терновники и камыши, имѣвшіеся въ изобиліи на всей войсковой территоріи, могли служить хорошимъ подспорьемъ при домашнемъ обзаведеніи черноморцевъ; наконецъ, не тронутая плугомъ Кубанская земля покрывалась густой и сочной травой, дававшей возможность жителямъ имѣть многочисленное скотоводство, а полевые цвѣты всевозможныхъ родовъ благопріятствовали пчеловодству, которымъ и въ Запорожьи занимались престарѣлые казаки. Словомъ, природа предоставляла все то черноморцамъ на Кубани, что требовалось для безбѣдной ихъ жизни въ этомъ благословенномъ краю.

Правительство войска, съ своей стороны, шло на помощь черноморцамъ. По его распоряженію, проложены главные почтовые тракты отъ Екатеринодара до Ея, Тамани и Усть-Лабы, съ устройствомъ на нихъ почтовыхъ станцій, на войсковой счетъ, съ комплектомъ служащихъ изъ числа строевыхъ чиновъ; а лошади съ повозками были поставлены отъ куренныхъ селеній; для быстраго же сообщенія по кордонной линіи устроена летучая почта

изъ койныхъ казаконъ; въ прочихъ же мѣстахъ дороги, мосты и гати устраивали сами жители¹⁾.

Чтобы предоставить на первое время черноморцамъ возможность добывать необходимые предметы при осѣдой ихъ жизни, Войсковое Правительство открыло на Кубанской границѣ, „при воинской осторожности,“ дворы для мѣнновой торговли съ черкесами, которымъ отпускало изъ войсковыхъ озеръ соль, а отъ нихъ получало верховой скотъ, фрукты, огородныя овощи, медъ, воскъ, лѣнчики для сѣделъ, бурки, сукно, готовую черкесскую одежду для казаковъ и даже оружіе, — такъ какъ тогда никакой вражды между черкесами и черноморцами не было, и горцы оказались самыми мирными сосѣдями вновь поселившихся на Кубанской землѣ казаковъ²⁾.

При такихъ пособіяхъ со стороны войсковой власти на Кубанской землѣ, быстро начала развиваться общественная жизнь, и вскорѣ на пустынныхъ мѣстахъ строившіяся жилища казаковъ начали принимать видъ благоустроенныхъ селеній. Не доставало только въ нихъ еще храмовъ Божіихъ, но и въ этомъ Богъ помогъ справиться черноморцамъ. Въ Тамани небожный подковникъ Антонъ Андриевичъ Головатый первый началъ соорудить на свой счетъ каменную церковь; а на постройку другой такой въ куренномъ селеніи Старо-Щербиновскомъ, кошевой атаманъ Червга далъ лѣсъ изъ разобраннаго ханскаго дворца, бывшаго при Ейской укрѣпленіи, — который онъ выхлопоталъ у высшаго начальства³⁾; а въ прочихъ казачьихъ поселеніяхъ боголюбивые черноморцы сами строили церкви и молитвенные дома, собирая для этого деньги изъ добровольныхъ пожертвованій, и на Кубанской пустынѣ засіялъ святой крестъ, быть можетъ, въ первый разъ отъ сотворенія міра⁴⁾.

Остановка была ан священниками, но ихъ добыть было уже не трудно. На общественныхъ сходкахъ черноморцы, по своимъ приговорамъ, избирали добродорядочныхъ казаковъ грамотныхъ и для рукоположенія ихъ въ священники пестунами съ прошеніями въ Войсковое Правительство; послѣднее представляло грамотеивъ къ епископу еодосійскому. Владыка сначала отказывалъ въ этой просьбѣ, отписывая, что являются къ нему казаки малограмотные, не знающіе церковнаго устава, но въ виду особаго ходатайства войсковыхъ правителей и полученнаго разрѣшенія Святѣйшаго Синода, началъ посвящать казаковъ

¹⁾ Тамъ же. Дѣло 1793 г., № 223, 239, 1794 г., № 296.

²⁾ Тамъ же. Дѣло 1795 г., № 332.

³⁾ Тамъ же. Дѣло 1794 г., № 294. 1795 г., № 316.

⁴⁾ Впрочемъ, на Таманскомъ полуостровѣ и въ ущельяхъ верхней Кубани, Теберды и Зеленчука христіанство существовало въ древнѣйшій періодъ.

съ бритыми головами и чупринами, рекомендованныхъ Войсковымъ протопопомъ, въ священники; возвращаясь въ свои селенія, они, вмѣсто кавачьихъ кунтушей, облачались въ церковныя одежды, для богослуженія среди своихъ прихожанъ, довольныхъ скорымъ превращеніемъ грозныхъ своихъ казаковъ въ смиренныхъ служителей святой церкви¹⁾.

Устраивая духовную часть, Войсковое Правительство заботилось и о поданіи черноморцамъ медицинскаго пособія, но это оказывалось гораздо труднѣе, чѣмъ духовное врачеваніе ихъ души. Ни въ Запорожья ни въ Поднястровья у казаковъ должностныхъ медиковъ не было, а потому простой казацкій людъ лѣченія не признавалъ, обходясь домашними средствами для врачеванія своихъ недуговъ, а подчасъ не прочь былъ полѣчиться и у бабокъ-шентухъ, пользовавшихся своими заговорами отъ всехъ болѣзней, скорбей и печалей. Въ виду такой простоты и невѣжества бесполезно было бы посылать въ то время въ куренныя селенія медицинскій персоналъ, для лѣченія войсковыхъ жителей; но такъ какъ между черноморцами, особенно между жившими въ г. Екатеринодарѣ, были люди образованные, сознававшіе пользу медицинской науки, то, по просьбѣ Войсковаго судьи Головатого, Таврической губернаторъ Жигулинъ прислалъ въ Екатеринодаръ штабъ-лѣкаря Барвинскаго, которымъ и ограничивалась на первое время медицинская часть въ Черноморіи²⁾.

Народное образованіе среди войсковыхъ жителей на Кубанской землѣ шло тихо, учебныхъ заведеній въ первое время не открывалось, но ученье юношества происходило при домѣ родителей наемными учителями, среди которыхъ особенно извѣстенъ студентъ Московскаго университета Иванченко и гимназистъ Поляковъ, положившіе основаніе черноморскому войсковому училищу, преобразованному впоследствии въ гимназію³⁾.

Все мною указанное выясняетъ, что казаки войска черноморскаго были первыми колонизаторами Кубанской земли, при утвержденіи въ этомъ краѣ русскаго владычества. Императрица Екатерина II, жалующая эту землю черноморцамъ, въ милостивой грамотѣ своей 30 іюня 1792 года, между прочимъ высказала: „Мы надѣемся, что войско черноморское, соотвѣтствуя монаршему о немъ попеченію, потщится не только бдительнымъ охраненіемъ границъ соблюсти ямя храбрыхъ воиновъ, но и всемѣрное употребить стараніе заслуживать званіе добрыхъ и полезныхъ гражданъ, внутреннимъ благоустройствомъ и распространеніемъ семейнаго житія“.

1) Тамъ же. Дѣло 1793 г., № 253.

2) Тамъ же. Дѣло 1794 г., № 301.

3) Короленко—Черноморцы стр. 69.

Благодарные черноморцы оправдали надежды Великой Монархини и выполнили ея завѣтъ, за что ручался еще незабвенный ихъ благодѣтель Антонъ Андреевичъ Головатый, сказавшій Государынѣ въ благодарственной рѣчи за дарованную Ея Величествомъ черноморцамъ Кубанскую землю, съ знатными привилегіями: „Мы воздвигнемъ грады, населимъ села, сохранимъ безопасность предѣловъ. Наша преданность и усердіе къ тебѣ Монархинѣ и любовь къ отечеству пребудутъ вѣчно, и сей свидѣтель всемогущій Богъ!“

Дѣйствительный Членъ П. П. Короленко.
